

ЕКАТЕРИНА БЕЛОВА

РАЗВОД
ПО-ДРАКОНЬИ

Белова Екатерина

Развод по-драконьи

<https://litres.ru/74221164>

Аннотация

— Но наша связь подтверждена! — взмолилась я шепотом, ненавидя себя за просительный тон. — Можно разорвать брачные руны, но судьбоносная связь нерушима!

Тео медленно повернулся ко мне, на идеальном лице не дрогнул ни единый мускул, только огненный взгляд прошил меня, словно иглой. Нет, сотней, тысячей игл.

— В мире нет ничего нерушимого. Я силой уничтожу эту связь.

*** Мой муж лишил меня метки избранной, у меня отняли титул, магию и земли, сослав в заброшенное поместье. Но судьба любит посмеяться. Спустя пять лет, я оказалась единственной, кто может спасти от смерти Императора Вальтарты — своего бывшего мужа.

В книге есть:

* Связь Истинных * Драконы * Встреча через время

Содержание

1. Развод	4
2. Баронесса	19
3. Обман	33
4. Ленхард	47
5. Не понравилась	64
6. Страшный замок	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

1. Развод

Знакомый с детства зал горел сотнями огней, вдоль окон стояли придворные, их взгляды — насмешливые, жадные, недобрые — тянулись за мной шлейфом. Всего несколько дней назад такой шлейф у меня был. Настоящий, королевский, отороченный мехом белой лисы, убитой для меня инфантом, а за один неверный взгляд в сторону жены наследника престола полагалось двенадцать ударов палками и ослепление.

Но теперь я бывшая жена и можно смотреть сколько угодно.

— Как долго она сможет задирать нос? — шепнул знакомый голос.

Я дрогнула, но не обернулась. Говорила одна из фрейлин, вейра Талье, которая всего неделю назад утешала меня, уверяя, что все происходящее — ошибка. Кто осмелится обвинить супругу наследного принца в подделке судьбоносной связи? В попытке убийства одной из его любовниц? В подделке документов, краже артефакта и только отец-дракон знает, в чем еще... Обвинений собралось на четыре папки, все не упомнишь.

— Точеный носик! Я хотел бы поцеловать его, — кто-то из осмелевших виконтов послал мне воздушный поцелуй.

— Не удастся, друг мой, ее наверняка ждет ссылка...

Ссылка. На несколько бесконечных секунд зажмурилась, словно пытаюсь проснуться от бесконечного кошмара, в который превратилась моя жизнь за последний месяц. Сердце колотилось от ужаса.

— Эльене нир Виладжо, лишенная имени Таш, лишенная имени Аго!

Объявив меня, два стражника разошлись в стороны, и я перешагнула золотой порог центральной императорской за-
лы.

Меня прислали сюда еще ребенком, едва обнаружив связь магий между мной и наследником. Воспитывали будущей императрицей, запрещая развлечения, рукоделие, игры, жертвуя прогулками и здоровым сном в угоду образованию. Наследнику позволялось больше. Насколько больше я узнала только месяц назад, застав его в компании баронессы Вашвиль, которая сидела у него на коленях, визжа от радости.

Чуть позже выяснилось, что баронессе отведены восточные покои, что она предпочитает платья из тафты и шелка, любит булочки на пару, сухие духи, и чтобы комнату проветривали трижды в день. Слуги говорили, она добрая, но очень строгая. А меня называли вечно уставшей, полагая что наследнику Таш надо было выбрать жену покрепче. Попробовали бы они вести дела двух дворцов, учиться, организовывать вечеринки знати, спать четыре часа в сутки и быть покрепче.

Подняв голову повыше, шагнула вперед. Если такова плата за любовь, я принесу ее.

На беломраморном возвышении стоял бывший муж, небрежно облокотившись на трон отца-императора. Императрица была больна, и больше не могла защитить меня.

По бокам от возвышения застыла стража в сверкающих латах, вдоль колонн тянулись придворные, каждый из которых смотрел на меня. Но мой взгляд миновал их, как незначительное препятствие, прикипев к молодому мужчине около трона с гордой посадкой головы. Широкие плечи, узкие бедра, лицо той классической бессмертной красоты, которую воспевают художники. От него шло звериной грацией даже в статике, но безжалостный взгляд цвета расплавленного янтаря отрезвил меня.

До этой секунды я надеялась на ошибку, но в его глазах был приговор. Он помнил каждый мой проступок и не собирался прощать.

Император встряхнул свиток и удивленно поднял брови, словно видел его впервые. От давления величественной драконьей ауры подташнивало, в висках билась тупая боль, но я заставила себя стоять прямо. Они ведь только и ждали моей слабости.

— Вам было даровано прощение за подделку документации клана Виладжо и преследование наследного принца, но вы не остановились на этом. Покушение на жизнь юной баронессы Вашвиль, подкуп должностного лица и кража охран-

ного амулета из спальни наследника стали последней каплей. Согласно закону...

Муж резко поднял руку, прерывая чтение свитка, медленно спустился с возвышения и, четко печатая шаг, подошел ко мне. Жадные, любопытные и настороженные взгляды шли по пятам, а он смотрел прямо на меня. Теофас. Тео. Конечно, я называла мужа «Ваше Высочество» и кланялась. В отличие от баронессы мне не было позволено называть его по имени.

Супруг остановился так близко, что я ощутила знакомый горьковатый запах вишни. Рука в белой перчатке подняла меня за подбородок.

— Я предупреждал, Эльене, — янтарь глаз окатил холодом. — Истинная, нарушившая закон, не достойна стоять со мной рядом. Ваш удел — коротать судьбу в старом замке, выделенном милостью вашей семьи, с запечатанной магией и лишенной приставки «нир».

Я изо всех сил дернулась из жестоких рук, но хватка оказалась крепкой.

— Есть кому заступиться за эту женщину?

Громоподобный голос, усиленный магической клипсой, разнесся над залой, и тишина сделалась могильной. Окружающие буквально окаменели, боясь вдохнуть, чтобы их не сочли моими пособниками или сочувствующими.

— Семья Виладжо? — мой мучитель перевел взгляд куда-то в сборище людей, из которого неохотно выступило несколько человек.

Отец с одутловатым лицом, со вкусом и дорого одетый, мачеха в сверкающем алом платье и юная красавица с ангельским лицом. Сводная сестра смотрела прямо на меня, в упрямо сжатых губах, в прищуренном взгляде читалось странное удовлетворение. Ей явно было по душе положение, в котором я оказалась.

— Наша дочь совершила немыслимое преступление, — отец чуть ослабил шейный платок, взгляд по-заячьи метался вдоль залы, не находя пристанища. — Клан Виладжо не желает брать ответственность за нее, клан Виладжо полностью одобряет действия Вашего Высочества.

В груди вспыхнула застарелая боль. Пока была жива мама, мы оставались близки, отец брал меня на охоту, увозил из дворца под предлогом практик на старую драконью гору. После маминой смерти мы не виделись два года, вместо него приезжала бабка, старая вейра Аго, и рассказывала, как сложно отцу справиться с потерей. Хотя весь двор судачил, что он привел молодую любовницу в день смерти жены.

Когда мы увиделись вновь, мачеха уже родила и начала выходить в свет. Она ревниво рассматривала мои драгоценности и золотое кружево, перебирала магические камни в шкатулках, умоляя достать похожие. А еще через год отец взял у меня денег на ремонт Гнезда. После этого семья виделась со мной, только чтобы просить и требовать.

Я давно знала, но больно было по-прежнему.

— Мне исполнилось семь лет, когда обнаружили нашу

связь, я ее не подделывала, — сказала совсем тихо, чтобы услышал только он.

Тео равнодушно пожал плечами.

— Моя магия ладит со многими, в том числе и с твоей. Ты не моя истинная. Ты просто одна из многих.

— Но наша связь подтверждена! — взмолилась я шепотом, ненавидя себя за просительный тон. — Можно разорвать брачные руны, но судьбоносная связь нерушима!

Его Высочество медленно повернулся, на идеальном лице не дрогнул ни единый мускул, только огненный взгляд прошил меня, словно иглой. Нет, сотней, тысячей игл.

— В мире нет ничего нерушимого. Силой, данной мне, я уничтожу порочную связь, связавшую наши судьбы, — он развернулся в сторону темных проулков колонн. — Вносите!

Два прислужника в темных длинных одеяниях внесли постамент с крупным стеклянным шаром. Тот горел и переливался играющими внутри молниями в миниатюре, будто заключал в себе бурю.

В груди заворочался сдерживаемый все это время ужас. Неужели Теофас решится разорвать узы?!

— Постой, молодой наследник!

Из толпы вышел старик, из-за паники я не сразу узнала нира Шелен, что преподавал мне основы магической математики.

— Нир Шелен! — император раздраженно откинул свиток, и тот покатился по ступеням, расстилаясь бумажной

дорожкой. — Как смеее вы останавливать священное действие!

— Прошу прощения, Ваше Анвару, но я обязан предупредить об опасности, как вас, так и все магическое сообщество. Это экспериментальный артефакт! Он сжигает руны, но сжигает и связь. Нет уверенности, что он сработает верно.

Император обеспокоенно потер переносицу.

— Кто посмел использовать на наследнике непроверенный артефакт?

Нир Шелен театрально развел руками.

— Да как же его проверишь, Ваше Величество, никто не хочет разрывать судьбоносную связь.

Тонко подмечено. Истинная пара делает дракона сильнее, быстрее, улучшает регенерацию и показатели стабильности магии, дает защиту и одаренное потомство. Рвать связь с Истинной дураков нет. Снова накатил темный неконтролируемый ужас. Я уже смирилась с разводом, но рвать связь? Даже не сердце, все тело по-звериному противилось этой мысли.

Тео потрянул золотоволосой головой и расхохотался.

— Мне не нужна защита! Мечом я добуду все, что пожелаю, а если захочу подпитать магию, к моим услугам вся империя. Мне ни к чему зависеть от одной-единственной женщины.

В какой-то степени Тео был прав, сильная драконья магия могла найти спутника среди самого цвета знати. Было множество вполне счастливых пар среди драконов, магии кото-

рых ладили хотя бы на пятьдесят процентов. Но такая сильная и глубокая связь, образованная против нашей воли еще в детском возрасте, была редкостью. С каждым веком количество Истинных пар снижалось. Отказаться от связи со сто процентным совпадением магии было безумием!

Теофас схватил меня за руку и силой вывел в центр. Вопреки сознанию, тело отчаянно извивалось, пытаюсь вырваться из хватки. Но молодой принц без усилий удерживал меня едва ли не на весу, а после, подтолкнув к постаменту, рывком погрузил наши соединенные руки в шар.

— Нет! Тео, прошу! — выкрикнула глухим хриплым шепотом, но было поздно.

Меня парализовало от жаркой боли, прошедшей стрелой от макушки до самых ступней. Могла только смотреть, как вокруг наших запястий вьются и разрушаются золотые руны, и слушать шепот принца. Кажется, он читал заклинание, но смысл слов ускользал от сознания.

Без всякого стеснения завывла раненным волком, словно из груди выворачивали сердце, принц стоял напротив, не прекращая страшного шепота, не отрывая от меня огненных отчаянных глаз, только по белому виску скользила капля пота. Ему тоже было больно. На миг показалось, наследник рвал проросшую в сердце связь против воли, выворачивал ее, подобно цветку с длинным корнем, с кровью, с ошметками плоти.

Я взглянула на него последний раз и потеряла сознание.

Проснулась я от голоса Инес, горничной, приставленной ко мне еще матерью. Немолодая, некрасивая, крепкая, с крутым нравом, она ходила за мной с трех лет, быстро обучившись дворцовым интригам.

Меня мягко качало на волнах, тело куталось в белый кокон одеял, перед носом мелькали черные мошки, но сил поднять руку и отмахнуться, не было.

— Что случилось, Инес?

Крупная, как небольшой корабль, горничная развернулась. Обычно это очень смешило, но на этот раз я даже не смогла растянуть губы в улыбке.

— А ничего хорошего, вейра, — проворчала Инес, помогая мне подняться. — Связь вам не просто порвали, выжгли до кости. Наследнику-то все ничего, ушел на своих двоих, а вас две недели выхаживали. Ирод ваш бриллиантовый прислал в помощь императорского лекаря и дал драконьей воды, чуёт, что перегнул палку.

Это... было удивительно.

Теофас без дозволения отца взял из сокровищницы драконьей воды, чтобы отдать нелюбимой бывшей жене, даже лекаря прислал. Я с трудом подняла руку, рассматривая белое запястье без следа шрамов или ожогов.

В груди уже не жгло так страшно, как в ту секунду, когда

Тео опустил наши руки в кипящий магией шар. Так, дергало немного. Что-то вроде фантомной боли от ампутированной конечности. Полный горячего огня взгляд Тео, редкая усмешка, наши нечастые игры в саду в далеком детстве... Все, ради чего я терпела, мучилась, не спала ночами, патаясь добраться до его уровня, все оказалось уничтожено в один миг.

— Сестра.

Я тут же встрепенулась, натягивая маску безупречной придворной, но увидев брата, снова расслабилась. Те же рыжие волосы и светлые глаза, бледная до прозрачной синевы кожа и хмурая сосредоточенность. Мы родились от одной матери и всегда ладили, хотя виделись нечасто. Каен учился в Академии, а я — во дворце.

— Отец отказался вписать тебя в род своих родителей, старая герцогиня Аго слаба, отошла от дел. Ей не защитить тебя.

— Тебя не было на казни.

Каен хмуρο кивнул.

— Не успел, один подлец черкнул, что дата казни назначена на послезавтра. Он еще заплатит за свою ложь, не сомневайся, Люче.

От детского прозвища на глаза навернулись слезы, и я с позором разревелась, уткнувшись носом в академическую мантию брата.

— Меня действительно отправят в ссылку? — голос дро-

жал.

На самом деле хотелось сказать совсем другое. Мне страшно, мне чертовски страшно, потому что всю жизнь я провела в императорском Семидворье, не выезжая дальше центра столицы. Я не знала, как жить за стенами дворца!

Каен прямо взглянул на меня, не пытаясь отвести взгляд, не пытаясь солгать.

— Да. Но куда, узнать не смог, взятки они не берут, боятся наследника. Сама знаешь, каков он в гневе.

Каен не утешал меня, позволяя выплакаться, не давал невыполнимых обещаний спасти, но привез шкатулку с драгоценностями матери, ее платья, плащ, с которого оборвали золото, и купил новую обувь. Не в центральном салоне вейры Сатэ — первой белошвейки империи — а хорошую крепкую обувь, которую мог себе позволить средней руки драдер, а то и богатая вея.

Наша с Каеном мать была иномирянкой, после ее смерти только мы остались друг у друга, за нашей спиной не стоял сильный материнский род. Повезло, что мачеха не выкинула мамины вещи, а только заперла на чердаке. Пусть и старомодные, но среди них удалось найти и теплую униформу, и пару летних платьев, и мужской наряд для дружеских поединков.

— Здесь немного денег, закладные и купчая на дом в Верцене. Я себе купил, думал сбежать от обожаемого клана, но пусть у тебя побудет.

Брат протянул мне документы и, поспешно распрощавшись, ушел, стражники и так трижды его торопили.

Инес помогла надеть домашнее платье, и мы взялись разбирать вещи. Хотя мне и дозволили остаться в старых покоях на время болезни, взять отсюда ничего не могла. Вся моя одежда была с гербовыми печатями императорской семьи, а на сумочки, туфли, шкатулки, веера и книги нанесли гербовое тиснение. Да что там, бумага и та была с вензелями.

Я покидала императорский род, поэтому была благодарна Каену за старые платья матери. Хотя не придется выходить отсюда в сорочке.

Так. Стоп. Сорочка-то тоже с императорской символикой.
— Ну, хоть не голая уйду, — усмехнулась, откидывая очередной магический камень.

Пустышка.

Видно, многие догадывались, что недолго мне оставалось быть женой принца, раз не пополняли магический резервуар. Итог... печален. Уйду, с чем пришла, минус десять лет жизни. Ах да, еще минус титул, магия и семья... А ведь когда-то считалось, я удачно вышла замуж. Молодой наследник первый красавец Вальтарты и ее первый меч богат, силен, любезен красив той жаркой языческой красотой, что выписывают на древних фресках...

Императрица взяла меня под крыло с первой секунды пребывания во дворце. Обучение было жестким, но в милостях мне никогда не отказывали. Лучшие платья, драгоцен-

ности мастеров из Старого города, собственный загон кайранов, гвардия, карета, обитая бархатом, личный сад, отдельная кухня, покои в семь комнат и фрейлины из высокопоставленных семей... Мне оставили Инес, что стало величайшим подарком для меня. Даже принцу не позволили оставить старого учителя, поскольку тот был простолюдином.

Наверное, тогда между нами и пробежала черная кошка.

Императрица благоволила мне. Мы часто завтракали вдвоем на террасе с видом на золотое озеро. Я пару раз видела метку Истинной на ее предплечье, оставалось загадкой, почему император потворствовал Теофасу в разрыве нашей связи. Ведь он-то знал, каково было иметь эту связь — как горела в груди магия, и наполняла силой меч эта маленькая метка. Даже, не являясь рыцарем, я ощущала беспомощность после ее потери.

— Вейра, настольный секретер брать? А несессер? Оба меченые, но ведь личные вещи-то, кто ж ими пользоваться будет?

Инес потрясла шкатулкой, с которой отвалился императорский герб, из-за чего ее можно было отнести к спорным вещам.

— Не бери, ничего не бери. Возьмем только мамины вещи, приготовь ее коричневое платье на выход, а заколки возьми малахитовые.

Брат даже не представлял, от какого позора меня спас. Уж не знаю, кто додумался до такой тонкой мести, но уйти я мог-

ла, только переодевшись в платье горничных, точнее, платье Инес, которая была вдвое выше и втрое толще. Других ко мне не допустили. Фрейлин и тех разогнали по дворцовым покоям.

Хихикнула истерически.

Дверь распахнулась с громким стуком.

С изумлением я наблюдала, как в покои даже не вошла, всплыла баронесса Вашвиль, юная и хорошенькая, будто цветок персика.

Дорогие читатели !

Большое спасибо, что заглянули в мою историю!

Добавляйте в библиотеку, чтобы не потерять и ставьте звездочку — это очень меня мотивирует :)

Подписывайтесь на меня, так мы точно не потеряемся :

<https://litnet.com/ru/belova-ekaterina-u8284480>

Дорогие читатели, у меня выходит новая книга "Хозяйка драконьего замка": <https://litnet.com/ru/book/hozyaika-drakonego-zamka-b476536>

Если вы загляните в мою новинку, то найдете сильную героиню, горячего дракона и холодную месть) Эта книга так же связана с миром Вальтарты, но читается она отдельно.

Надеюсь, вам понравится :)

Коротко о сюжете:

Древний ритуал отправил меня в тело златокудрой графини Эйвери. Низложенной мужем до простолоудинки, лишенной силы и отправленной умирать в разрушенный материнский замок на краю драконьей земли.

Этого ждет от меня супруг, желающий поскорее жениться на любовнице, и старый канцлер, жаждущий прибрать к рукам тайны моего разрушенного рода. Вот только я не собираюсь умирать, выходить замуж за очередного дракона или отдавать кому-то свои земли. Я собираюсь выжить и восстановить свой род и свои земли.

2. Баронесса

Ему, оказалось, такие нравились. Чтобы заполучить Теофаса ей не потребовались ни знание экономики, ни магический дар, ни умение за пять минут организовать званый вечер на двадцать политических персон. Достаточно мило краснеть и визжать, как потерпевшая, если встретила дворцовую мышь. Говорили, так они и познакомились. Тео доблестно спас ее то ли от крысы, то ли от гусеницы.

Инес уже уперла руки в бока, чтобы отчитать баронессу, но я быстро подняла руку, заставив умолкнуть. Интуиция подсказывала мне быть осторожной с юной иномирянкой.

Когда императорский род Таш взял над ней опеку, вызволив из рода Вашвилей, которые, по слухам, были с ней жестоки, я надеялась с ней подружиться. Не завести дружбу на века, а просто подарить немного общения. Моя мать была иномирянкой, и я верила, что нас это сблизит.

Ну что сказать? Я ошиблась.

Хуже, просчиталась, как имперский лучник на дозорной башне. Эту историю рассказывал нир Шелен на занятиях магией. Лучник в ночном дозоре обнаружил неизвестного воина, подошедшего к воротам города, и крикнул: «Кто ты, добрый вей, куда идешь?» В ответ добрый вей вскинул лук и выпустил стрелу — на одну секунду быстрее имперского лучника. Имперский лучник был поражен в самое сердце и пе-

ред смертью услышал: «Я — вейр, и я иду в твой город».

Я бы посмеялась, да только история оказалась правдива. Всего три века назад вейр Саншо взял таким образом первую крепость и сделал оплотом темной магии. Триста лет ритуалисты держали Ленхард в вечном страхе перед нападением перевертышей, потому что вейр Саншо выпустил стрелу на одну секунду быстрее.

На первом же балу, где представили баронессу Вашвиль, я, сгорая от нетерпения, подошла к ней и открыто предложила посетить вечернее чаепитие в своем будуаре.

— Прошу прощения, Ваше Высочество, я только недавно начала обучение, у меня совсем нет времени на развлечения.

Баронесса взглянула чистыми, как лесной ручей, глазами и смущенно опустила голову. Мне вежливо нахамили, и понадобился весь придворный опыт, чтобы вывернуться из гадкой ситуации без видимых потерь. Главное слово «видимых». Я настолько привыкла к блеску императорской печати, защищающей от конфликтов, что была обезоружена в два счета полуобразованной иномирянкой одного со мной возраста.

То есть, юной, очень юной.

Невдомек было, что дружить девушке со мной незачем. Она уже дружила с моим мужем.

Но теперь-то баронесса чего хотела?

Благодаря Тео она, выражаясь языком драконьих дуэлей, уложила меня на лопатки и приставила меч к горлу.

— Вам что-то угодно, вейра Вашвиль?

Вейра кинула на меня быстрый взгляд и тут же прикрылась веером. За ней в комнату проскочили две безвозрастные фрейлины, шаря по стенам любопытными взглядами. Дверь не закрыли, и даже отсюда было слышно, что в коридоре собралось немало народу.

Свидетели. Но зачем? Я ей не противник. Баронесса меня уже свергла.

— Слышала, вы уезжаете? Лишенной имени не положено иметь прислугу. Я могла бы... Могла бы взять их себе, чтобы вам не пришлось беспокоиться о дальнейшей судьбе этих людей.

Понадобилась вся выдержка, чтобы не вцепиться ей в горло. Какая-то баронесса требовала себе во фрейлины графинь и виконтесс, называя их прислугой! Тут из простолюдинок была только Инес.

Что здесь происходит? Меня лишили всего, но едва я открыла глаза после двухнедельной горячки, меня пытаются втянуть в новый скандал.

Я даже защитить себя не могла. Не теперь, когда меня саму сделали простолюдинкой-веей, как собственную горничную. Впрочем... чтобы выиграть, не обязательно шельмовать, можно играть честно.

Как там говорил Тео? «Мне не нужны костыли в виде Истинной, я и сам силен. Десять лет во дворце я не задаром хлеб ела, вокруг образовался надежный костяк, не один день

эти люди подбирались.

— Благодарю за доброту, баронесса, — расслабленно опустилась в кресло и повысила голос. — Я ценю ваши хлопоты. Инес! Созови моих фрейлин, прислугу, эскорт и садовника, да поживее. Баронесса Вашвиль желает подобрать себе людей.

Инес упрямо выдвинула подбородок, но спорить не осмелилась. Меня потряхивало от гнева, но на лице держалась маска вежливого участия.

— Если предложите мне чаю, мы сможем расположиться с комфортом, — без особой радости в голосе отозвалась баронесса.

Я спиной чувствовала, что в смежных покоях собралось человек десять отменных сплетников. Теперь-то я понимала, зачем баронесса притащила их сюда. Можно было запечатать магию, забрать титул, землю и брачные руны, но репутация выйдет из этого дворца вместе со мной.

Из-за красавца Тео, так рано и скоропостижно попавшего в брачный капкан, меня многие ненавидели. Однако наспех сляпанное дело мало кого убедило в моей виновности. Многие понимали, что я стала просто политически неудобна. Что Теофас... хотел получить баронессу Вашвиль, а я стояла у него на пути.

Маленький скандал с моим участием сделал бы их собственные поступки не такими отвратительными.

— Боюсь, мой статус недостаточно велик, чтобы приказыв-

вать лакеям.

Я улыбнулась с сочувственной гримасой, которую подсмотрела у императрицы, и умиротворенно сложила руки на коленях. Ну а что? Статус у меня, как у простолюдинки-вечи, как я смею требовать чая от лакея, который выше меня по положению? На секунду в глазах баронессы мелькнуло что-то черное, пугающе злое, что я успела испугаться, как бы она меня саму за чаем не отправила.

— Как вы смеете... — зашипела одна из сопровождающих баронессу дранир, которую я стойко проигнорировала.

Первое правило двора: ты тот, с кем общаешься. Стоило разок поскандальить с горничной, и репутации конец. Будешь до конца дней ходить с прозвищем «поломойка».

Дверь распахнулась шире, и комната наполнилась людьми. Первыми вошли мои фрейлины, следом рыцарский эскорт и мелкая прислуга, набранная из таких же баронесс, вроде Вашвиль. Последним, беспрестанно оглядываясь, зашел садовник, ухаживающий за моим личным садом. Ему явно было не по себе.

Начальник стражи, немолодой дранир Лассош, гремя доспехами, прошел через покои и встал передо мной на одно колено.

— Приказывайте, Ваше Высочество.

Остальные рыцари эскорта слаженно положили правую ладонь на грудь у левого плеча и склонили головы, как это было принято у военных. Фрейлины присели в легком реве-

рансе.

Я поднялась с кресла и хлопнула в ладоши, привлекая внимание.

— Вейры, как вам известно, я низложена и скоро покину столицу. Баронесса Вашвиль изъявила желание помочь вам устроить судьбу при дворе в мое отсутствие.

Дранир Лассош продолжал сверлить меня тяжелым взглядом, словно и не слышал моих слов. В сторону баронессы даже не повернулся.

— Я, Ваше Высочество, не могу остаться, брат у меня болен. Поеду в свой городок, помочь ему надо.

— Дозвольте говорить, Ваше Высочество, у меня мать прихворала, — отозвался эхом еще один из рыцарей.

Алексо я взяла еще в прошлом году, и никакой матери у него и в помине не было. Я выкупила его из магического рабства в обмен на расшитое дорогими камнями платье.

Рыцари наперебой каялись, почему им срочно нужно покинуть двор. Баронесса Вашвиль молча стискивала подол платья, но побледнела так, что я стала опасаться за ее здоровье. Рухнет сейчас в обморок, а отвечать мне.

Фрейлины были поумнее.

— У меня, высокорожденные вейры, еще в том месяце нашли признаки магического истощения. Еду на средиземные воды, а как вылечусь, тут же во дворец и вернусь.

Это была графиня Фате, самая старая и мудрая из моих фрейлин. Здоровье у нее было железное, за всю жизнь даже

не простужалась ни разу. Еще пять лет назад, совсем девочкой, я не поленилась, разобралась в деле ее сына и вытащила молодого драконира из тюрьмы.

— У меня полная комната накопителей, — неуверенно сказала баронесса. — Я могла бы...

Но Фате тут же вскричала, что не стоит, камни дорогие, а она старая, ей непременно нужно на воды...

Остальные фрейлины тоже не могли остаться служить баронессе Вашвиль по уважительным причинам. Две оказались беременны, одна выходила замуж, другая поступила в Академию, трое заболели и наперебой совали под нос диагнозы от врачей.

Садовник бухнулся на колени и завопил, что он самый бесталаннейший человек на земле, напутал с дозировкой удобрений и зимний сад вымер до последнего цветочка.

— Встаньте, — сказала я с сочувствием. — Садик теперь не мой, а новая хозяйка все равно на свой лад переделает.

Дозировку я рассчитала самолично еще месяц назад, когда поняла, что развод неизбежен.

— Вон отсюда! — скомандовала ледяным голосом баронесса Вашвиль.

Но ни эскорт, ни фрейлины с места не двинулись, только и было слышно, как бухался головой о пол кающийся садовник.

Баронесса была так откровенно зла, что мне пришлось вмешаться.

— Идите, — сказала мягко. — Мне тяжело с вами прощаться, но желаю вам поправить свое здоровье и здоровье ваших родственников.

Мой бывший двор неохотно потянулся к выходу. Одна из фрейлин баронессы метнулась к двери и захлопнула ее прямо перед носом любопытствующих.

— Думаешь, победила? — прошипела баронесса. — Это я тебя уделала!

Вскочила, перегнулась через стол, уставившись мне в лицо зелеными сверкающими глазами. С печалью пришлось констатировать, что даже в гневе баронесса была ничего так. Хорошенькая.

— Если желаете и дальше оставаться для Тео хрупким цветком, то забудьте свои иномиряные выражения. Иначе он быстро обо всем догадается.

— Ты отправишься в ссылку, а я стану женой Теофаса!

— Примите мои соболезнования.

Последнее я сказала совершенно искренне, но баронесса вихрем пронеслась через покои к выходу, распахнула дверь и отшатнулась.

На пороге стоял Теофас.

Недовольным взглядом обвел покои, обследовав по военной привычке доступное пространство и в итоге задержавшись на мне.

— Тео... — голос у баронессы дрогнул.

Подозревала, что ее бриллиантовый все слышал. И пра-

вильно делала, у драконов был тонкий слух, а у наследника и вовсе, как у ночной бабочки. Если захочет — узнает, о чем мышки шепчутся в подвале. Последняя мысль вернула мне дурное расположение духа. Вот бы он захотел узнать, кто утащил его защитный артефакт или насыпал яду его баронессе. Но Теофас не захотел, его устраивала версия моей виновности.

— Что ты тут делаешь, Альве?

Я поднялась с кресла, рефлекторно сделала реверанс и только потом поняла, что он обращается к баронессе.

— О, я просто хотела помочь вейре Эльене, ведь ее слугам некуда будет пойти, когда она...

— Я не давал тебе разрешения.

С той секунды, как Теофас прошел в покои, его взгляд не отрывался от моего лица, даже когда он отчитывал свою ненаглядную Альве. Баронесса кусала губы с лицом провинившейся горничной.

Несладко же быть его любовницей. Впрочем, откуда мне знать, наш брак не был консумирован. У нас и поцелуй-то был всего один, пришедшийся на детские годы, когда мы еще неплохо ладили.

— Иди. Закройся в комнате и жди дальнейших распоряжений, — баронесса кивнула, лицо ее горело от унижения. Но едва она прошмыгнула к двери, Тео поймал баронессу за плечо. — Больше не своевольничай.

Все это время он не отрывал от меня ледяных янтарных

глаз.

Захлопнув дверь за баронессой, Теофас прошелся по комнате, изучая незакрытый сундук, разложенные вещи, скинутые на софу бумаги и женские мелочи. В нем, еще совсем юном драконе ощущалась та жесткая военная собранность, присущая высокородным.

— Не бери много, оставь всю дворцовую ерунду. Это возьми.

Он кинул на софу знакомый ларец с тремя печатями, где хранились бальные драгоценности, выдававшиеся мне в особенные дни, когда приезжали иностранные послы или случались большие празднества. Но обычно ларец хранили в императорской сокровищнице между сосудом с драконьей водой и скипетром.

Теофас пришел, чтобы принести мне этот ларец?! Может, он свихнулся? Пригляделась внимательнее, отыскивая признаки горячки, но Тео выглядел вполне нормально.

— Бери, — поторопил он.

А... Понятно.

— За кражу из императорской сокровищницы положена казнь с отсечением головы, — сказала я медленно. — Вчера меня казнили за кражу артефакта из твоих покоев, но вчера я была особой графской крови, поэтому отделалась лишением титула и магии, а сегодня я уже вея. У веи нечего взять кроме жизни. Тебе недостаточно развода, ты хочешь, чтобы я совершенно точно умерла.

Ядовитая злоба растеклась в груди. За что они так со мной?

Теофас подскочил ко мне, впечатывая обратно в кресло, нависая сверху. Зрачок расплылся на всю радужку, и из его глаз на меня смотрела смоляная тьма.

— Думай, что говоришь...

Я вжалась в бархатные подушки, но дурной нрав требовал выхода. Хотелось отхлестать его по белым щекам до багровых пятен, вцепиться в кудри и оттащить по полу. Эта мысль так меня изумила, что я почти подняла руку для смачной пощечины, но в последний момент остановилась.

— Действует, — шепнула счастливо.

Посмотрела в потемневшие до январской ночи глаза и рассмеялась. Когда Теофас был таким, я с ума по нему сходила. Всякий раз, когда видела его на пике эмоций, меня скручивало ответной реакцией. Дергало, как арестанта, вслед за конвойным по одной цепи. Хотелось зацеловать, затискать, утащить под балдахин, спрятать, подобно сокровищу, поддаваясь животному, неконтролируемому приступу влюбленности в Истинного... А теперь хотелось дать ему пощечину!

— Что действует?

Теофас с подозрением наклонился ниже. В глубине его глаз полыхнул огонек, сменяясь непроглядной тьмой.

— Разрыв связи! Я больше не люблю тебя, Ваше Высочество.

Счастливо рассмеялась Тео в лицо, чувствуя легкое опьянение от внезапно наступившей свободы. Стальные тиски, вечно сжимающие сердце, разжались.

— А раньше, что, любила?

Теофас положил мне ладонь на щеку и большим пальцем провел по губам. Раньше он никогда... Никогда. В нашей жизни случился всего один поцелуй, в день, когда обоим исполнилось по семнадцать лет. Сейчас мы были ненамного старше.

Что такое драконы двадцать? В этом возрасте юные дракониры только пробуют свои силы в поступлении в Академию, оборачиваться еще никто не умеет. Даже наш брак имел статус помолвки. Мы жили в одном доме, ели за одним столом, учились с одним учителем, но не смели коснуться друг друга.

До исполнения двадцати пяти лет запрещалось скреплять магические браки на ложе, в лучшем случае это было просто опасно. Бывали случаи, когда Истинные, не утерпев, разрушали связь, не сумев удержать магию. Они калечились из-за нее или калечили друг друга. Ходили слухи, что прабабка нашего императора сожгла своего Истинного, потому что сочла традицию двадцатипятилетия сказочной и необязательной.

— Раньше любила.

С вызовом подалась вперед, уставившись Тео в лицо, с упоением отслеживая мимолетные эмоции. Растерянность,

шок, обреченность. Похоже, новая Эльене, лишенная Вилладжо нравилась ему куда меньше, чем та, которая заглядывала ему в рот и была готова целовать следы сапог.

Но это неважно. Главное, чтобы мне она нравилась.

Я открыла рот, намереваясь изречь еще какую-нибудь доводящую Теофаса до бешенства гадость, но тот с силой сжал меня за плечи и поцеловал. Хотя на поцелуй это походило так же мало, как нападение дикого бизона напоминало полет лебедей. Он жарко атаковал мой рот, сжимая плечи, полностью заперев меня в чертовом кресле и не давая шелохнуться. Это было почти больно, но я терпела. Сколько лет я мечтала о таком поцелуе? А он оказался болезненным и жестоким.

Теофас, словно почувствовал, сменил тактику, нежно скользнув языком по израненным губам, уже не сжимал руки так сильно. Уговаривал, ласкал. Желание прострелило привыкшее к аскезе тело, и вот тут-то я испугалась по-настоящему. Столько лет я ложилась далеко за полночь, а вставала до рассвета, что организм, видимо, от отчаяния перешел в режим энергосбережения. Такие естественные для драконов порывы, как близость, ласка, мимолетное прикосновение, во мне полностью застыли. Атрофировались. А Тео простым прикосновением губ разбудил их снова.

— Любишь, — Тео оторвался от меня с торжествующей улыбкой победителя. — Жить без меня не можешь.

Я вскочила и отвесила ему со всей силы пощечину. А по-

сле еще одну. Я бы и третью залепила, но Тео даже не отшатнулся, продолжая смотреть на меня все с той же высокомерной улыбкой.

«Любишь», — шепнул он одними губами.

3. Обман

Все кончилось тем, что Тео, заперев дверь, выставив стражу, фрейлин и Инес даже не из покоев, а за пределы выделенного мне дворца, взялся выворачивать мои вещи.

Это было совершенно дико, безумно! Но мои слабые попытки ему помешать закончились быстро и глупо.

Когда я наскочила на него пару раз и забарабанила кулаками по груди, он просто прижал меня одной рукой к горячему боку, а другой опрокинул сундук.

— Что ты творишь?! — зашипела, пытаясь выбраться из стальных рук.

— Не дергайся, покалечишься.

Теофас лениво глянул и снова сосредоточился на вещах. Я еще сопротивлялась, но невольно увлеклась тем, как он быстро и по-военному четко раскладывал вещи. В сундук он сложил пять теплых платьев, пять летних, три костюма для тренировок, темный плащ, удлиненную военную куртку, доставшуюся от матери, отороченную коротким волчьим мехом. Платья брал только мамины. Белье выкинул. Следом выкинул книги, тетради, канцелярский набор, несессер и ту самую шкатулку с отломанным вензелем. Зачем только Инес ее засунула!

— Это личные вещи, — мне, наконец, удалось выбраться из кольца рук, и теперь я из кресла наблюдала, как Тео по-

трошил одежду. — Вряд ли твоя Вашвиль будет пользоваться моим несессером или бельем.

Если бы Инес не засунула все это в сундук, мне бы и говорить не пришлось. Стыд обжег щеки, я почти чувствовала, как загорелось лицо. Это было унижительно. Можно подумать, я жадно тащила из покоев все, что не приколочено.

— купишь другой. Из дворца ничего не бери, ясно?

Тео развернулся ко мне, давая взглядом и драконьей аурой. Теперь, когда связи больше не было, я чувствовала его биополе, как плотный воздух или пляжные песчинки, осевшие на коже. Жить с этим можно, но хочется стряхнуть. И как баронесса справляется?

— Не переживай, лишнего не унесу, — сказала холодно, на что Теофас только дернул уголком губ.

Он уже добрался до портмоне с документами от брата и внимательно рассматривал бумаги на дом.

— Дом в Верцене, значит... — задумчиво хлопнул бумагами по руке. — Прекрасно, пусть будет в Верцене. Трепи о нем поменьше, езжай туда и сиди тихо, поняла? Живи, как живут мертвецы в могиле. Чтобы ни звука, ни мышинного писка о тебе до столицы не доносилось.

Вздвогнув, подняла на него взгляд. Это говорил человек, которого я любила до потери сознания, ради которого была готова умереть, тот, кто меньше десяти минут назад жадно целовал меня.

— Ясно?

Теофас легонько встряхнул меня и, не дожидаясь ответа, вытянул из кармана тонкий простой браслет, похожий на те, что продают детям на день Снега. Не успела и глазом моргнуть, как он быстро защелкнул его на моем запястье.

— Что?! Что ты делаешь?

Вырвала руку, но было поздно. Металлический браслет посверкивал на запястье графитовым боком.

— Это чтобы приглядывать за тобой, любимая.

Браслет-слежка. Я читала, что их надевали на руки преступникам или подозреваемым, чтобы отслеживать местонахождение, а теперь и вовсе сделалась счастливой обладательницей такого украшения.

Несколько секунд тупо смотрела на браслет. Все не просто закончилось, все закончилось грязно и унижительно: перебор вещей, слежка, указания.

— Если ты закончил, то мне пора идти, стража уже трижды торопила, — сказала устало.

Что-то в моем тоне насторожило Теофаса, он шагнул ближе и почти коснулся щеки.

— Ты...

Двери распахнулись, гулко ударившись о стены, Тео резко опустил руку и едва не отпрыгнул от меня. Вошел начальник королевской стражи, обязанный сопровождать меня к месту.

— Ваше Высочество, — он по-военному коротко склонил голову. — Ее Высочеству... вейре Эльене нужно идти.

— Что же, тогда прощай, Эль. Видеть тебя все эти десять

лет было мукой, так что, надеюсь, мы больше не встретимся. Но ты была хорошей женой, я разрешаю воспользоваться нашей милостью один раз. Попроси у меня, и я тебе дам.

Я уже открыла рот, намереваясь сказать, что мне ничего не нужно, как Теофас поднял руку.

— Не торопись. Верцен тихий и славный город, поживи, подумай, не торопись. Быть может, однажды ты снова захочешь замуж или пожелаешь купить титул, приобрести поместье.

На что я куплю поместье? Если мне и позволят что-то приобрести, у меня нет денег даже на еду. Прямо сейчас я сама стоила меньше, чем крепкий телок. Вяло пожала плечами, если Теофас хочет побыть благородным перед начальником стражи, то пусть.

— Прошу вас, Ваше... вейра, — начальник, помявшись, подхватил мой сундук и пошел вперед.

Я двинулась следом, чувствуя лопатками взгляд Теофаса. На пороге не выдержала, обернулась, вбирая глазами его побледневшее лицо, золото волос упрямо сжатый рот. Прощай, прощай, моя первая любовь.

За дверью меня почти сразу взяли под конвой, словно опасались всплеска магии или побега. Да куда я побегу? В платье до пят, да еще и без сменного белья. Нашли дуру.

Вдоль стен выстроились придворные, с любопытством провожающие взглядами нашу процессию. Шепотки в спину пока еще несмелые насмешки, почти детская радость на ли-

цах тех, ради кого я не спала ночами, разбирая мелкие жалобы, вникая в дела чужих поместий и родословных. Лучше бы подумали, кто теперь будет этим заниматься. Я-то делала это добровольно, никому не было дела до мелких баронов, виконтов, антов, притесняемых собственными семьями. А теперь идите в императорский суд, через три круга правды годами ждите решения тяжб...

У двери в магическую конвой чуть замедлился, спускаясь в неприметный коридор, ведущий к тюремной башне. Страх не было, если Теофас приказал отправить меня в Верцен, так и будет, за непослушание он бестрепетно снимет голову, а то и титул, и землю.

Казематы я узнала по вечно влажному каменному полу, кислому запаху страха и пота, я спускалась сюда несколько раз, разбирая несправедливые аресты. Только пользовалась центральным входом, но оказалось, тюрьма была пугающе близка — буквально за стеной одного из боковых коридоров.

— Сюда, Ваше Высочество, — начальник стражи толкнул массивную дверь в камеру.

Прошла внутрь без единого возражения. Не было ни страха, ни стыда.

Комнатушка напоминала карцер: темно, сыро, запах плесени и подгнивающей воды, тусклая полоска света от окна под самым потолком. Первым я увидела крупный черный постамент с разложенным на нем простым холстом, кистями и тушечницей.

— Нир Шелен был отстранен за своеволие, поэтому вашу магию заблокирую я, уж не гневайтесь, Ваше Высочество.

Ко мне подошел совсем еще молодой драконир Целес, ант клана Винзо, который провел половину детства при дворе. Мы часто виделись, бывало, что вместе играли и ходили на лекции по магии. Скорее всего, Целес станет следующим придворным магом, когда войдет в полную силу. Редчайший лекарский дар Винзо передался не законному сыну, а всего лишь анту.

— Я очень умен, поэтому боли не появится, но может быть неприятно.

Целес осторожно и твердо взял мою руку, поворачивая запястьем вверх, но пальцы у него подрагивали. В глубине души я всегда подозревала, что Целес был в меня немножко влюблен, был случай, когда сама пригласила его на снежный танец, желая заставить Теофаса, наконец, смотреть на меня. И Теофас смотрел, горел от ярости, а я наслаждалась. Теперь эти мысли, да и сам поступок, казались отвратительными.

— Мне очень жаль, что это вы, — сказала честно.

— Нет, — не поднимая глаз, Целес взял кисть, обмакнул ее в вязкий черный раствор, от которого фонило магией, и поднес к коже. — Лучше это буду я, чем кто-то другой.

Он оказался прав, было почти не больно. Завитки рун ложились на запястье и жгли, но терпеть было можно. В тишине слышалось только наше дыхание, Целес молчал, а мне и говорить было не о чем.

— Я закончил, — наложил плотную хлопковую повязку на запястье. — Носите дней десять, магию использовать не пытайтесь.

— Закончили?

В дверь постучал один из стражей, но, к моему удивлению, Целес крикнул:

— Нет. Процесс блокировки магии небыстрый и кропотливый, не торопите! — и совсем тихо добавил. — Я просил о вашем помиловании Его Высочество, и буду просить снова. Вы ведь знаете, как я отношусь к вам.

Стало не по себе. Я знала, но причин говорить об этом сейчас не видела, поэтому просто кивнула. Не было смысла юлить и лгать, да и хранить верность тоже больше некому.

— Догадываюсь, но...

— Я знаю.

Целес поднял взгляд. Характерные для всех драконов светлые волосы немного свисали на карие глаза, в которых вместо любви светилась жалость.

— Носите повязку, не снимайте. Нельзя снимать. Выпускайте!

Он резко развернулся и вышел в неприметный проход в глубине темной каморки, попутно стукнув в дверь, давая сигнал, что блокировка магии окончена.

Я поспешно толкнулась в дверь следом, но та оказалась закрыта.

— Ждите, — глухо отозвался голос незнакомого страж-

ника.

Чего ждать?

Несколько секунд растерянно стояла в полутьме, не понимая, как быть. Целес ушел, магию заблокировали, но могильная тишь и звуки капающей в отдалении воды приводили меня в ужас. Каково тут узникам?

— Мое дитя.

Я едва не подпрыгнула от ужаса, а после обернулась, узнав голос. Хотела по привычке броситься в объятия, но в последний момент остановилась.

Передо мной стояла императрица.

Было дико видеть ее стоящей посреди сырой жуткой камеры, без охраны, в простом домашнем платье с косой через плечо. Она словно не заметила моей заминки и протянула ко мне руки.

— Ну же, иди ко мне, девочка, — и я без единого сомнения бросилась к ней.

Единственный человек на земле, который любил меня в этом холодном дворце, прикрывал ошибки, учил избавляться от слабостей, быть сильной, гордой, терпеть, прощать, любить.

— Покажи руку, девочка моя.

Интуитивно поняла, что она говорит о той руке, которую сожгло при расторжении рун, и несмело закатала рукав. Императрица коснулась зажившей кожи и улыбнулась.

— Я счастлива, что драконья вода сумела помочь, а где же

амулет? Неужели Тео не передал его?

Несколько секунд я переживала острый приступ боли. Значит, не Теофас передал драконью воду, не он беспокоился о моем здоровье. Ну разумеется. Кому вообще могло прийти в голову, что бывший муж обо мне волновался. За десять лет брака Тео не прислал мне ничего, кроме положенных по статусу драгоценностей, да те выбирали за него секретари.

— Благодарю вас за милосердие.

— Амулет он не передал? — императрица выпустила мою руку и отвела глаза. — Прости, девочка, Теофас иногда своеволен. Как освоишься, и стихнет гнев супруга, я передам тебе кое-что из полезных вещей.

— Да, благодарю вас, — с трудом выговорила я. Но потом, не удержавшись, спросила: — Трудно было достать драконью воду?

Ответ я прочитала по беспомощно дрогнувшим векам. Быть Истинной еще не значит, быть любимой, лелеемой, единственной. Быть Истинной, это как быть драгоценностью — камнем, который можно запереть в ларец и спрятать за семью замками.

Император, если и любил Ее Высочество, часто бывал к ней жесток. Ограничивал траты, реформы, случалось даже в подбор фрейлин вмешивался, а уж сколько он этих фрейлин перепортил, лучше не думать. И это без стеснения, на глазах у всего двора. Теофас шел по стопам отца.

— Прости его, прости моего мальчика. Наказав тебя, он наказал и себя. Можно разорвать связь Истинных, а склеить обратно уже не получится, вечно ходить ему одному, вечно чувствовать пустоту в сердце.

И мне тоже... Я слышала истории о жутких случаях, когда связь Истинных рвалась насильно. В роду Винзо был стародавний случай, когда красавицу-маркизу разлучили с Истинным, проведя обманом обряд отлучения, и выдав замуж за другого. При дворе это оправдали. Где это видано, чтобы маркиза за веля замуж шла? Чернь, крестьянин, полвека за сохой. Однако при дворе Истинные встречались так редко, что, встретив их, драконы были готовы связать свою жизнь и с веем, и с веселой вдовушкой, и с неразумным подростком. И были счастливы... ведь были!

— Я молила сына простить тебя, но он даже слушать не хочет. Вбил себе в голову эту жалкую девчонку, иномирянку, сошел с ума. Говорит, сила у нее редчайшая, ходит вокруг баронессы кругами, как привязанный, на все лады склоняет, как эту силу заполучить. Ах, я в отчаянии... Что останется у меня, когда ты уедешь?

Сила? Так вот что Теофасу понравилось в красивой иномирянке. Это походило на правду больше, чем сказка о неземной любви. Впрочем, мне-то какое дело?

Ласково взяла руки императрицы и сжала холодные пальцы.

— Отказаться от Истинной — чудовищная, непоправи-

мая ошибка. Отец-дракон накажет его, мой ребенок накличет беду на всю империю.

— В этом нет вашей вины, — сказала я через силу.

Порывисто императрица обняла меня, и я подавила желание снова попросить о помощи. Я-то знала, что помочь она мне не сможет, император любил ее, но вечно все делал по-своему.

— Что это? — вдруг спросила императрица.

Она уставилась на тот самый браслет, который надел мне Теофас, ноздри у нее гневно раздулись.

— Слежка! Какой мерзкий, какой недостойный поступок! Ротокан!

В камеру тут же прошмыгнул ее личный слуга. Я Ротокана боялась и не любила, но вот императрица верила ему безоговорочно.

— Сними эту мерзость! Недостаточно искалечить девочке жизнь, надо еще и посадить на поводок? Мой ребенок, мой драгоценный ребенок сошел с ума...

Ротокан повертел вместе с браслетом мою руку, словно та тоже была вещью.

— На совесть сделанная, руку оторвать проще, — крысиная мордочка слуги счастливо скривилась, словно ему набор жемчуга подарили. — Сынуля ваш сам делал. Талантливый, умный ребенок, но Ротокан умнее. Ротокан услужит Вашему Величеству.

— Снимете?

Спросила без интереса, скорее для проформы, чтобы руку мне не оторвал вместе со слезкой. Хотя зачем мне рука... Мне жизнь сломали.

— Снять не сниму, но попорчу, — слуга взметнул на меня черные буравчики глаз, а пальцами шустро перебирал, дергал синие жилы потоков, прошивающих слезку. — А вот и готово. Снять не смогу, но и следить он не сможет.

Слезка все еще плотно сидела на запястье, сила от нее больше не исходила. Но... что-то было не так.

— Кажется, в браслете еще остались потоки силы.

Неуверенно повертела рукой, пытаясь уловить накрывшее меня чувство, но мне ведь заблокировали магию. Невозможно понять, что там еще было спрятано в этом украшении.

— У браслета есть еще какая-то функция, — с неудовольствием согласился Ротокан. — Но вот какая — не разобрать.

— Мой сын глуп, но не жесток. Он бы не причинил Элье вреда, — голос императрица дрогнул. — Да и Верцен добрый и славный город, ты сможешь вести там достойную жизнь. А года через три, как уляжется его безнадежная любовь к баронессе с ее странной силой, я постараюсь вернуть тебя.

Кивнула, хотя больше всего на свете хотела остаться в одиночестве и дать прожить себе хотя бы этот день. Прощаться с женщиной, которая стала второй матерью за эти десять лет, было сложно. Украдкой промокнула слезы, стараясь справиться с накатившим отчаянием. Как бы плохо ни

было, а перед слугами нужно держать лицо, чтобы ни одна дворцовая мышь не прознала, насколько мне больно.

— Благодарю, Ваше Величество.

— К чему эти титулы, девочка, зови меня матушкой... Ну, иди. Я здесь тайно, сын не простит, если узнает, что пошла наперекор его воле.

Она подтолкнула меня к выходу, и я послушно вышла в коридор, где уже ожидала Инес в компании сундука с вещами. Охранник у двери стоял уже другой, начальник стражи ушел, а этот, судя по взгляду, не считал меня достойной уважения особой.

— Инес...

— Не разговаривать, — оборвал меня стражник. — Не положено. Идите, вейра, портал заждался.

Инес кинула на стражника разъяренный взгляд и собралась было его отчитать, но я молча взяла ее под руку и послушно двинулась вперед. Хотелось убраться отсюда поскорее. Остаться одной. Забиться в угол, как раненное животное, и выплакать все свои слезы, мне сейчас было не до ссор со слугами.

Меня провели в портативную комнату, где уже тлело телепортационное марево, простреливая пространство синевой мелких разрядов. В руки Инес спихнули саквояж, а четверо стражников, отправленных с нами, подхватили сундук.

— В Верцене вас встретят, — сказал провожающий стражник, взгляд которого казался внимательным и ка-

ким-то... пристрастным. Не по себе было от этих глаз, но я заставила себя вытерпеть. — Ждите в вокзальной комнате, если сопровождение задержится.

Он без нежности подпихнул меня вперед, и я шагнула к мареву.

4.Ленхард

Из портала нормальные драконы вышагивали на антимагическую плитку, которая скрадывала эффект телепортационной тряски.

А меня выкинуло. Швырнуло, как котенка, в придорожную грязь. Пошатываясь, встала с колен, попутно оценивая ущерб: ободранные ладони, ноющие ступни, кажется, растяжение в щиколотке. Так вот как жили простые смертные. Ни тебе мгновенной регенерации, ни драконьей чуйки, даже драконы рефлексy словно притупились.

Встала, даже не пытаясь отряхнуть платье, и огляделась. Пусто.

Ни Инес, ни стражников с сундуком, ни хоть сундука без стражников. Везде, насколько хватало взгляда, лежала выжженная земля. Черное полотно с редкими кустиками неведомой растительности уходило за горизонт, в отдалении слышался жутковатый, бьющий по ушам гул. На Верцен — зеленый, изукрашенный клумбами, храмами в мозаичных стеклах и тихий городок — это место не походило. Оно вообще не походило на город.

Куда я попала?

— Инес? — позвалапозвала по привычке, но никто не откликнулся.

Посекундно оглядываясь, побрела вдоль глубокой колеи,

пробитой в земле тяжелой груженной повозкой. Такое чувство, что тут дома перевозили, если провалюсь в такую колею, то сразу по колено. Как меня вообще могло выкинуть здесь? Я своими глазами видела координаты портационной комнаты и даже сверила их с документами, не говоря уже о том, что шагнула в портал вместе с Инес и стражей.

С другой стороны, эта колея куда же ведет! Если не ныть и идти, то рано или поздно куда-то я доберусь, и уж на месте все выясню.

Вдохновения хватило часа на два. Я не достигла возраста первого оборота и единения со своим драконом, но всегда была сильнее и выносливее большинства высокопоставленных дракониц. А теперь? Всего два часа, и хочется умереть от усталости и боли в растянутой щиколотке. Глаза слезятся, горло першит, кожу стянуло от ветра, в животе колет...

У одного из кустов не выдержала и уселась прямо на землю, давая отдых измученному телу. Украдкой оглядевшись, вытянула гудящие от усталости ноги. Ладно, все равно тут нет свидетелей моего позора. Сажу на земле, как вея, только что нос рукой не вытираю.

Мать-драконица, как же хочется пить!

А ведь в комнате графин стоял с водой, нет бы выпить стаканчик-другой, так я вообще про него забыла. С воды мысли перетекли обратно к Тео, словно были синонимами. Моя жажда, мой принц. Не он ли отправил меня сюда? Ротокан ведь сказал, что у браслета есть еще какая-то функция по-

мимо слежения. Может, там и были забыты координаты другого портала.

Гул, стоявший фоном все время моего похода, нарастал и скоро стал так близок, что я поспешно поднялась с земли. Встряхнула платье и даже поправила волосы, в которых еще лежала забытая нитка жемчуга. Вдали заметила точку, которая с приближением превратилась в жутковатого вида повозку из некрашеного дерева, с решетками на окнах и вихляющими в разные стороны колесами. Даже непонятно, как она ехала.

Около меня повозка остановилась, и с козел спрыгнули неопрятного вида детина в помятой военной форме. Казалось, он был удивлен мне ничуть не меньше, чем я ему.

— Лишняя баба, — сказал с недоумением. — Нешто я просчитался?

Он торопливо сунулся в крытую повозку, а я подавила желание бежать от нее со скоростью драконьего воздушно-го флота. Куда я побегу в платье до пят? Тут даже скрыться негде. На все поле один этот куст, величиной с бутоньерку.

К тому моменту, как военный вернулся, сердце прыгало от беспокойства, как детский мяч по садовой дорожке.

— Вот что, баба, садись со мной на козлы, я ж товаром все забил, там больше сесть негде. Полезай, говорят, ну!

С немым удивлением увидела, как он замахнулся рукой, но даже не подумала защититься. Это был дурной сон. Еще утром я выбирала между малахитовым и черепаховым греб-

нем и капризничала, брать ли с собой жемчуг, и где я теперь?

Мужик опустил руку, глаза у него налились темной злобой.

— Глухая, что ль? Лезь, говорят, а не то...

Он сжал руку в кулак у меня под носом, и я, брезгливо поджав губы, прошла к козлам. Насколько я знала, в солдаты брали всех, даже простых веев, хоть и талантливых. Каждый имел военное образование, пусть не академическое, но достаточно серьезное, да и антов с драконирами на военной службе было больше. Все они имели понятие о чести. Этот же... солдат даже речь коверкал.

Мужик запрыгнул на козлы и лихо влепил лошади кнутом по спине.

— Шевели копытами, детка! — заорал он.

Повозка загрохотала, мотаясь по колее, словно пьяная, а военный повернулся ко мне.

— Че-то ты на простую не шибко похожа, а? Иль теперь в низовые арестантки и таких берут? Иль натворила чего страшного? А то ишь, в платье, в камушках каких-то, драгоценные, поди, камушки-то?

— Можно сказать, арестантка, — повернулась к этому хамлу полубоком, демонстрируя переговорную степень искренности. Больше всего на свете мне хотелось убежать, да только некуда было. — Мне бы хотелось задать пару вопросов.

Мужик выкатил на меня карие глаза, подернутые бело-

ватой мутью, словно пруд тиной. Может, пьян? Военных за пьяное дело могли и сжечь на месте, в армии с этим на редкость было строго.

— Можно сказать, могу ли я... — повторил с недоумением. — Ты пьяная, что ль? Ну моги, ну задай вопрос...

Бровь у меня дергалась, но я боялась даже пошевелиться. Странно он смотрел на меня, вон как выпучился. Надо было перестать трястись и взять себя в руки. Не убьет же он меня, если задам парочку вопросов?

— Я... немного замешкалась в пункте распределения и не поняла, куда меня отправили. Скажи, вейр, где мы?

Военный весело заржал, привалившись спиной к стене повозки.

— А тебя куды отправить-то должны были?

— В Верцен, — сказала, чуть помедлив, вызвав у военного новый приступ веселья.

— Не повезло, детка, видать, подгадил тебе распорядитель за красивую моську и камушки, потому что отправили тебя в Ленхард. Умирать тебя отправили, детка...

Сердце у меня отчетливо остановилось, а и то вовсе в обморок рухнуло, перед глазами потемнело.

Только центр Вальтарты жил в счастливом убеждении, что у нас была мирная страна. Ритуалисты, помешанные на темной магии, являлись кем-то вроде заблудших детей, которых доброй поркой наставляли на путь истинный. Ну что могла сделать кучка сектантов? Только плакать, молиться и

подорвать храм отца-дракона где-нибудь в заброшенной деревне, откуда удобно было драпать на ездовых кайранах.

Да так и происходило, лет триста назад, до появления магистра Саншо, давшего кучке истеричных ученых идеологию, структуру и военную силу. Силу перевертышей.

Выбрав окраинный город Вальтарты, Саншо пробудил первый темный источник и, спустя месяц, округу наводнили темные перевертыши — живые существа, нахлебавшиеся черной магии. Люди, звери, птицы, насекомые, и не только. Увидев растущий в этом городе орех или иву, нельзя быть уверенным, что дерево не ходит и не убивает. Вполне возможно, оно решило отдохнуть или... поохотиться. Стоит себе и поджидает усталую двуногую еду, жаждущую выспаться в приятной тени.

Ах да... Этим окраинным городком был как раз Ленхард. И вот уже третье столетие здесь творился кровавый ад, который никто не мог остановить. Или не хотел.

Никто не желал брать на себя ответственность за эту зону. На последнем Совете предложили полностью уничтожить Ленхард вместе с немногочисленными жителями и военными. И если бы не Серебрянный ант с поддержкой Теофаса, доблестные министры подписали бы свиток на уничтожение, как пить дать. Вот только остановил их не авторитет национального героя, а сам факт, что взрыв увеличит количество темных перевертышей на количество уничтоженных военных. И это будут умные, обученные и, возможно, вооружен-

ные перевертыши.

А новым Ленхардом станет следующий город — на сотню миль ближе к столице Вальтарты.

Его было нельзя уничтожить, но его можно было использовать. Драконы рациональны по своей природе, для них разумно использовать с выгодой даже то, что использовать было кощунственно. Не сразу, но Ленхард стал кладбищем для неугодных.

Сюда ссылали опальников, политических противников, антов — детей от наяр, которые слишком уж блистали на фоне законного наследника Гнезда. Разумеется, их ссылали под предлогом помощи стране. Когда-то в Ленхард император сослал и Серебрянного анта, в надежде обмануть судьбу. В качестве простых солдат набирали арестантов, смертников, убийц, всех, кого можно было заставить или принудить.

А вот в службу убийц всех мастей брали низовых арестанток и, кажется, меня только что приняли за одну из них. Что происходило с такими арестантками в озверевшем Ленхарде даже думать было страшно.

Вполне возможно, я умру вовсе не от перевертыша, а от руки такого солдата. И никто не узнает.

Этого хотел Тео? Эта мысль неожиданно привела меня в бешенство, и я загадала, что если протяну сегодняшний день, то выживу. Выживу любой ценой. Просто назло тварям, которые даже не сочли нужным подарить мне легкую смерть, выкинув на кладбище еще живой, зная, через что

мне придется пройти.

— А ты чистенькая, мягкая, — вдруг задумчиво сказал солдат.

Мужик так резко остановил лошадь, что та поднялась на дыбы, а повозка завалилась на бок. С козел я практически упала, словно сквозь вату слыша женский визг откуда-то из повозки. Он же сказал, что везет товар... Или это он женщин товаром назвал?

Я свалилась на четвереньки куда-то в сухую комковатую землю, сквозь которую пробивались редкие пучки травы. Теперь-то понятно, почему тут ничего не росло, драконы все выжгли, отбивая перевертышей.

— Куда ж ты, милая? По-доброму ж предлагаю, на базе-то тебя сразу попортят, а я мужик добрый, ласковый, зазря не бью...

Повозка завалилась на бок, но визг стих, и худосочную дверцу можно было выбить, просто слабо навалившись, но, если внутри и был кто, помогать он мне не захотел. Выходит, поторопилась я с прогнозами, не дожить мне до вечера.

Мужик тяжело спрыгнул вслед за мной, взгляд у него был дурной, да и улыбка тоже. Пошатываясь, поднялась и приняла боевую стойку, магии у меня не осталось, но так и солдат был простым веем.

— Не подходи! — отпрыгнула, чувствуя сквозь тонкую подошву туфель неровную землю. — Я попала в Ленхард по ошибке, когда меня хватятся, тебе выплатят награду, солдат.

У меня... высокое положение в Вальтарте.

Вместо ответа солдат ударил меня ладонью в грудь, и я только что на метр не отлетела, дыхание вышибло. Кулем повалилась на землю, жадно глотая горячий воздух.

— Все вы разъезжаете такие чистенькие, в бархате, а мы жрем раз в сутки. Ни тебе чистой воды, ни тебе крыши над головой, боеприпасы и те задерживают. От перевертышей голыми руками отбиваемся.

Солдат навис сверху, больно вдавив меня в землю.

— Имперский военный совет наобещал за службу откупные матери слать, а где они? А? Ни медяка мать не получила, а меня здесь держат, как пса на цепи, и твоя награда мне вот досюда.

Солдат рубанул себя по горлу ладонью. Это был самый отвратительный момент для вопроса, но я не удержалась:

— А ты жалобу составлял?

— Я, баба, сотни жалоб составил. Думал, коли денег нет, так хоть сам отсюда выберусь, ан нет, высекли меня, как ворюгу, да обратно отправили. Сказали, жалоба дойдет куда надо, и все без меня порешают.

Он тряхнул меня с такой ненавистью, что у меня зубы клацнули. Я ухватила за его руки, пытаюсь ослабить хватку, и уточнила:

— Быть того не может. В Ленхарде семь пунктов связи, поскольку он расположен в красной зоне. Абсолютно все донесения из Ленхарда находятся в приоритете, даже если это

жалоба на подогревшую овсянку.

— В чем находятся? В прио... в приоритете?

Мужик отпустил меня и уставился, как на алую драконицу. А алых дракониц, чтоб вы знали, не существует, поскольку алый — цвет матери всех драконов, божий цвет.

— Их рассматривают в первую очередь, — объяснила терпеливо. — Люди, состоящие в столичном пункте приема, поголовно дали рабочую клятву Его Высочеству Теофасу, который лично контролирует военную зону Ленхарда. Они не могут не принять жалобу и не дать вам ответ в течение недели.

— Тварь он редкостная, этот ваш Его Высочество, — мужик с ненавистью сплюнул.

— Не могу не согласиться, — ответила с чувством. — Но свою работу делает хорошо, уж поверь мне. Он лично был в Ленхарде трижды.

Рожу у мужика налилась багрянцем, но я, привыкшая замечать полезные мелочи, видела, как нервно узловатые пальцы теребят военную куртку. Он не считал меня особо полезной, но хотя бы был готов меня выслушать.

Отключившись от очередного нарастающего грохота, сосредоточилась на солдате. Я вела переговоры с аристократами противоборствующих группировок, с имперской тюрьмой, вояками и простыми веями, ко мне тек бесконечный ручей претензий и жалоб, до которых не было дела следственным отделам столицы. И я хорошо делала свою работу.

Сейчас моей работой стал этот солдат.

— Расскажи, как именно ты составлял жалобу, все мелочи, какие вспомнишь.

— Цвет бумаги припомнить, что ль?

Мужик угрюмо усмехнулся, но я совершенно серьезно ответила:

— Нет, цвет бумаги не имеет значения. Значение имеют форма, подписи и оттиск.

— Дак, я покуда в селе своем жил, составлял пару раз документики, так что правила знаю. Верно я все составил, украли просто мои денежки.

— Возможно, что и украли, но пока это означает только то, что жалоба даже не была зарегистрирована.

Я не впервые сталкивалась с неверием в правосудие. Хорошо бы увидеть, что этот солдатик накатал в жалобе, и почему та обошла рабочую клятву. Ужас перед насилием немного утих, так что я осторожно сменила позу, приподнимаясь и стараясь не совершать резких движений. Огляделась в поисках удобного пригорка, который вроде бы видела при падении, там можно было расположиться с относительным комфортом. Увидела и замерла.

Пригорок-то я нашла, но на нем уже сидел широкоплечий пепельноволосый тип с глазами песчаной змеи-убийцы. Поняв, что я его заметила, он жестко усмехнулся:

— Продолжай, вея, а я посижу, послушаю. Уж больно интересные ты вещи рассказываешь.

В такую ситуацию я еще не попадала.

Обычно отчитывались как раз мне, а теперь отчет с меня требовал какой-то жуткий тип. В любой другой раз я бы взбунтовалась, но у этого парня имелся веский аргумент. Взгляд у него был такой, что желудок слипся в полосочку.

— Имя, возраст, статья. Говори, дева, и не вздумай соврать.

Положение было унижительное, но и из него я собиралась извлечь максимум пользы. Кто знает, может, и доживу я до ночи. Назло тебе, Теофас, любовь моя.

Плавню перетекла в позу народов Сиби, которые не чурались сидеть на коленях, обложившись шелковыми подушками. Расправила платье и поправила надорванный ворот.

— Эль Фана, вея, двадцать лет, осуждена по 27 статье военного времени, пункт второй, четверная поправка.

Имя я безбожно сократила, фамилию позаимствовала у одной памятной вейры. А вот со статьей... надеюсь, не прогадала. В Ленхард ссылали преступниц только за особо тяжкие преступления. Убийство, нападение на аристократа, сговор с целью причинения вреда, мошенничество в особо крупных размерах, участие в банде. Ничем подобным я похвастаться не могла, а если бы захотела, меня бы тут же и разоблачили. Нужно было одновременно объяснить, как я оказалась в Ленхарде, и почему так хорошо ориентировалась в правовой политике.

Пепельный сузил желтые глаза.

Я шумно сглотнула, глядя на него, как под гипнозом. Хотелось разом в обморок и в туалет, но чтобы и то и другое случилось как можно дальше от этого парня.

— Это преступление против страны, вея, мы тут предателей не любим. Так что даю тебе минут, скажем, десять, чтобы ты кратенько ввела нас в курс своего преступления.

Он усмехнулся, а я только сейчас заметила, что нас здесь было вовсе не трое. Неподалеку расположились еще штук семь солдат, преданным взглядом сканирующих Пепельного. Скорее всего, он являлся командиром, а значит, мое выживание зависило от него. По крайней мере, в ближайшие десять минут.

— Я работала помощницей второго секретаря у вейра Шелен, первого мага Вальтарты, он взял меня совсем юной из пансиона святой Фаташ, там...

— О, а я слышал про пансион, мать там батрачила летом, — влез солдат. — Ну... помыть там чего иль на кухне помочь. Говорят, девок там лупили, как коз, прямо хворостиной.

— Там строго с дисциплиной.

И не только с ней. Первая Фаташ открыла единственный пансион в стране для талантливых вей-сироток, которые. Они бы шли туда, даже если бы их не хворостиной, а кнутом били, потому что это была единственная надежда на лучшую судьбу.

— Нир Шелен доверил мне проверять корреспонденцию

на предмет магического воздействия, но одно из писем я пропустила.

Замаялась, поскольку история эта была вполне реальной, хотя и случилась не со мной. Та маленькая вейра была мертва, нир Шелен давно забыл ее имя, но вот последствия ошибки прогремели на всю Империю.

Пепельный поднял бровь, безмолвно потарапливая меня.

— За такое в Ленхард не ссылают, — сказал один из солдат за спиной у командира. — Максимум девять лет дадут на рубиновых копиях.

Я поглубже вздохнула и решилась.

— В письме был зачарован приказ на атаку шестого сектора Ленхарда. В ходе боя в ловушку попали три крыла, а в живых осталось только семь человек.

Пепельный задумчиво постукивал каблуком сапога, а я сидела, уставившись на пыльное голенище. От того, поверит ли он, зависело мое будущее. Уже солдаты стали переминаться, давая отдых затекшим мышцам, а я сидела, буквально окаменев, как горгулья на императорских воротах.

— Было бы правильно убить тебя за такую ошибку?

Неправильно! Очень неправильно убивать мелких вейр, не разобравшись в ситуации! К примеру, нир Шелен весьма пожалел о своем безнравственном поступке, как только понял, что представляло собой письмо. Даже велел выстроить маленький мавзолей на дальнем погосте для несчастной мертвой любимицы. Та девочка нравилась ниру Шелену и

вечно получала в подарок то конфетки, то выходной, кто бы мог подумать, что от симпатии до смерти было всего полшага.

Пепельный перевел на меня тяжелый взгляд, в ответ на который я продемонстрировала дружелюбную открытость. Базовые правила переговоров: смотреть в глаза, руками не размахивать, спина прямая, но не напряженная. не кривиться, не улыбаться, лицо расслабленное. Моя тактика, доставшаяся от матери-иномирянки, действовала и на веев, и на аристократов. И на Пепельного тоже подействует.

В противном случае меня ждет мавзолей, да и то сомнительно. Кто будет искать мои бедные косточки?

— Это было не первое письмо, — веско сказала я. — Вообще-то это государственная тайна, которая на меня уже не распространяется. К тому моменту я находилась в темнице, никто моего общества не искал, чтобы взять кровную клятву.

Писем на самом деле было целых три, просто второй секретарь не рассчитывал, что помощницу убьют на месте сразу после первого. Он-то планировал повесить на нее все три зачарованные бумажки, отдающие приказы на самоубийственные действия солдат.

Один из военных позади Пепельного расхохотался.

— Знакомо. Схватить низшего служащего без суда и следствия, отправить на копи или в Ленхард, где концов не найдешь. А кто на самом деле притиснул на стол опасное пись-

мечо и не узнаешь. Меня вон повысили, и пока я радовался, как дурак, на меня потихоньку перевесили все косяки за год работы.

Пепельный задумчиво выслушал солдата, после перевел на меня по-медицински острый взгляд.

— А ну-ка дай руку, — после секундной заминки, протянула руку, и командир загреб ее своей лапищей. — А ну говори, невиновна?

Он сдал мне запястье не то, чтобы больно, а, скорее, грубо.

Если выживу, солдатская грубость станет обыденностью, поэтому пора привыкать. Стиснуть зубы, затолкать демонову гордость в темень сердца поглубже и продолжать жить, продолжать каждый проклятый день доказывать миру, что меня не сломали.

— Невиновна, — я подняла твердый взгляд на Пепельного.

Тот коротко усмехнулся, с интересом рассматривая мою хмурую физиономию.

— Не врешь... Говоришь, зовут тебя Эль? Ну, добро пожаловать в Ленхард, неудачливая Эль. Мое имя Анхард Варшо, и ты останешься под моим командованием. Распределю попозже, уж больно ты странная для вей из Фаташ, а пока, — он не обернулся, только чуть повысил голос. — Посади-ка эту примечательную вею в мою повозку. Путь предстоит неблизкий.

Недавний мужик, от близости которого меня еще потряхивало, сопровождал до повозки и на этот раз был корректен до зубовного скрежета.

— Ты это... С документиком-то поможешь?

Солдат замялся, да и видно было, что ему неловко просить об услуге вею, которую едва не прикончил. Приструнив самолюбие, вынудила себя обернуться на пороге повозки и кивнуть.

— Я подумаю, что можно сделать.

Дорогие читатели, не забывайте оставлять комментарии и звездочки :) Для меня это очень важно и очень-очень вдохновляет!

5. Не понравилась

Всю дорогу я болталась на жестких ящиках, с трудом зафиксировавшись между двумя сундуками, в которых гремели боевые артефакты. Ужас перед будущим пересилил воспитание и вбитые императрицей манеры, поэтому в сундуки заглянула сразу, как села в повозку. Ну а что? Информация лишней не бывает.

Военные везли ерунду. Два сундука зеленых камней, названных в народе драконьим шепотом за слабость атаки, в другом лежали желтые. Желтые были помощней. Ими обычно выжигали старые кладбища или... боевые равнины, на которых остались тела. Алых камней я не увидела или не нашла, что было крайне странно.

Весь прошлый год я отвечала за корреспонденцию Теофаса и точно помнила, что Ленхард получил семь сотен алых камней, то есть, по сотне на каждое крыло. И вряд ли ушлый пепельный командир положил их в карман. Такие камушки были размером с младенца, а весили втрое больше.

Артефакты я тоже нашла, с недоумением рассматривала слабые обереги, удачники и целительные сны. Кто умудрился послать в Ленхард удачники? Такую мелочевку дарили драконицы возлюбленным на день Снега или в Солнцестояние, чтобы передать им часть своей удачи. Символически.

К примеру, такой артефакт я собственными руками сплела из черного шелка, зачарованного умелицей Клео, и подарила Теофасу. Ну так оОн и выгорел на следующее утро, принеся супругу один удачный удар на утренней тренировке. Послать это в Ленхард... Кто же осмелился на такую насмешку?

Целительный сон был получше, но как артефакт довольно слаб. В целительный сон погружали тяжело-раненых, чтобы переправить в госпиталь соседней области, закрытой от военной зоны плотной магической завесой.

Повозку резко дернуло, и я скатилась с ящиков на грязный пол, а когда встала, не сдержала удрученного вздоха.

— Прощай, платье, ты служило мне верой и правдой целую половину дня.

Ткань разодрало аж до колена, а грязный подол и разорванный ворот добавляли военного колорита. Подняв юбку, оценила разбитые туфельки.

— Прощайте, туфли, — подсказал насмешливый голос. Подняв голову, я увидела пепельного командира, облокотившегося плечом на откинутую дверь повозки. — Ваша хозяйка оказалась настолько глупа, что перепутала Ленхард с вечеринкой.

Последнее он говорил, гипнотически удерживая мой взгляд, с непонятным ожесточением.

— Я не думала, что меня отправят в Ленхард, — сказала я полуправду.

Открыто врать было опасно, а говорить правду еще опаснее, зато балансировать на грани удавалось замечательно. При дворе по-другому было нельзя.

Резко опустив подол, чтобы не светить коленками, тут же вынырнула из повозки...

Хотела бы я так сказать, вот только Пепельному Анхарду и в голову не пришло посторониться, в результате пришлось буквально протискиваться между боковиной выхода и дракониром. Казалось, командир недавно сражался, настолько горячим и напряженным ощущалось его тело. Я шарахнулась от полузабытого чувства мужской близости, и тут же соскользнула с приступки, служившей повозке поъемом. Даже успела попрощаться с остатками платья, но не упала, зависла в метре над землей. Пепельный поймал меня своей лапой, как кот муху, и теперь удерживал на весу.

Взгляд у него был малость дурной, тяжелый, как гробовая доска, и я замерла от нехорошего предчувствия. Сейчас сделает какую-то гадость или скажет что-нибудь этакое... Но ничего не произошло. Пепельный удержался, преувеличенно аккуратно поставил меня на землю и едко прокомментировал:

— Дуй к другим девицам в подсобное помещение, подбери себе шмотки вместо этого королевского великолепия.

С опаской выбравшись из его рук, отпрыгнула подальше, а заприметив новый пригорок, стремительно переместилась к нему. Пепельный без улыбки наблюдал за моими скачками,

а я даже не сразу поняла, что уперлась спиной в стену.

Обернувшись, уткнулась носом в каменную кладку. Всюду, куда доставал взгляд, тянулась серая безликая стена.

— Ну что за дура, — Пепельный подошел так тихо, что я ощутила его присутствие, только когда командир положил лапы мне на талию. А после ноги оторвались от земли, и мы взмыли в небо, осматривая с высоты Черные пики замок седьмого крыла. Я много раз видела его на проекциях: черная узкая скала, рвущаяся вверх и серый замок на самой вершине, словно продолжающий своей формой движение вверх. Тонкий, острый, как копье. Однажды я читала, что на стародраконьем «пика» значила «прокалывающий небеса».

Вот почему я не узнала Анхарда... Предыдущий крылатый, державший седьмое крыло, был смещен Теофасом за многочисленные нарушения, а кто занял его место, я выяснить не успела. Это ведь случилось всего месяц назад.

— Нормальные веи визжат, как резанные, когда их держат на высоте, — горячий шепот мягко ударил в висок, но я только рассмеялась.

Я любила высоту. На момент низвержения моя вторая ипостась наполовину проснулась, позволяя трансформировать когти и зачатки крыльев, а в минуты раздражения по коже змеилась чешуя. Голубая, редкая. Самой мне было не взлететь, но меня часто поднимал в небо Теофас, нир Шелен, императрица и два доверенных стражника.

— Люблю высоту, — призналась честно.

Мы резко спланировали за каменные стены Черных пик, которые вблизи не казались ни острыми, ни узкими. Места здесь хватало. Пепельный опустил меня прямо в центр разбежавшихся арестанток, и я с удовольствием спружинила на мощный донжон.

Обернувшись, увидела, что Пепельный проявлен только частично — крылья и когти. Обычно драконам, разбудившим вторую ипостась, было проще перекинуться целиком, поскольку удержание двух редко кому давалось и забирало много магии. В моем окружении двуипостасных хватало, но встретить такого в Ленхарде было удивительно. Зато стало понятно, почему проблемное седьмое крыло Теофас доверил Пепельному.

— Для веи ты не слишком нормальная, — резюмировал тот, окинув меня напоследок изучающим взглядом, и подтолкнул к входу в хозяйственную постройку, — спроси Лине, она поможет тебе освоиться.

Послушно кивнув, я тут же двинулась к постройке, зацепив по пути взглядом вторую повозку, из которой выводили привезенных женщин. Разновозрастные, бледные, на многих одежда не по размеру, две из них были очень юны. Слишком юны. Хорошо бы узнать их точный возраст... Но именно в этот момент Пепельный подтолкнул меня еще раз, уже ошутимее, и я, аккуратно приподняв остатки подола, прошла к постройке.

На пороге замялась. В просторной комнате, больше напоминающей склад, сутились две женщины. Одна, полная, с жестким волевым лицом, видимо, та самая Лине, копалась в привезенных оберегах и камнях и взглянула на меня лишь мельком. А вот вторая...

Яркая, на удивление миловидная темноволосая вея окатила меня яростным взглядом. Даже на расстоянии чувствовалось, насколько горяч ее гнев.

— Отвернись, — потребовала она у Лине, и та, поколебавшись, ушла вглубь помещения.

Вея подскочила ко мне, и я близко-близко увидела перекошенное злобой личико.

— Анхард мой, весь, с потрохами, от гребня и до кончика хвоста. Он тот еще ходок, но учти, увижу, как обжимаешься с ним в подсобочке, не стану разбираться, кто кого заташил.

Губы у меня невольно брезгливо поджались. Такая красавица, и такой поток грязи изо рта.

— Я никогда ни с кем не обжимаюсь, — заявила холодно. — Меня не интересуют потроха ни твоего любовника, ни чьи-либо еще.

Темноволосая незнакомка уставилась с таким изумлением, словно у меня на плечах сидели две головы вместо одной.

— А... Ты у нас культурная, значит, — она с облегчением оттолкнула меня с дороги, вальяжно прошла к выходу и открыла дверь. — Ну-ну, мне-то все равно, но учти, девок считают, только когда привозят, а на трупы учета нет. Так

что поменьше выделяйся перед солдатами. Лине! Подсюды, принимай юродивую, а то Анх осерчает, что приказы не выполняем.

Она выскочила на залитый мутным солнцем двор и тут же кинулась к Анхарду. Повисла на нем, как груша на дереве, жмурясь красивой кошкой. Тот лениво отмахивался, но не прогонял.

Я отвернулась и тут же встретила взглядом с Лине. Та изучающе смотрела на меня, но хамить не торопилась.

— Крылатый распределил тебя?

Я отрицательно покачала головой, не особенно торопясь вступить в диалог. Пришлось напомнить себе, что сейчас — это моя реальность. Грязь, пот, пыль, солдатская брань, обозленные арестантки, имперские заключенные и заблокированная магия.

— Сказал, распределит позже и велел дать мне новую одежду, моя...

Я красноречиво подергала подол.

Лине окинула меня внимательным взглядом и, не сомневаюсь, увидела все: разорванный воротник, серое от пыли лицо, стоптанные, изодранные туфли, на которых болтался полуоторванный жемчуг.

— Недолго ты протянешь, ящерка, ох недолго. Но коли жить захочешь, придется сбавить гонор. Иди за мной.

Она выдала мне минимальный набор вещей и тут же за занавеской заставила переодеться. Осмотрев заплесневелый от

сырости угол, я принудила себя отключиться от реальности и быстро сменить платье на хлопковую рубашу, тесные штаны и куртку. Одежда была стираной, но крепкой и чистой, что заставило меня примириться с непривычным одеянием.

— Не торопись, куда ж эту красоту-то выкидывать удумала, заштопаешь еще, — остановила Лине, когда я положила платье около коробки с мусором.

За... Что я сделаю?

— Заштопаю?

— Заштопаешь, — Лине оценила мой непонимающий взгляд. — Зашьешь, починишь, залатаешь... Совсем ты дикая, ящерка, тяжело тебе здесь придется. Кайне резкая бывает, но она верно подметила, долго ты с таким гонором не протянешь, разве что ноги.

Поколебавшись, я забрала платье обратно и попросила:

— Есть ли вода, Лине? Жажда замучала.

Лине выпучила на меня глаза и закачала головой.

— Ой, не по-нашему ты выражаешься, ой, не по-нашему... Ну, подь сюда, гляди, тут всегда стоит кран с питьевой водой. Крылатый сам чинил.

С большим сомнением я оглядела этот самый кран, вмонтированный в жестяной жбан, и с усилием его открыла. Кружка была серая и, по ощущениям, не очень чистая, но я закрыла глаза и залпом выпила. Выдула три стакана подряд, пока не почувствовала облегчение.

Поставила кружку на стол и от всей души поблагодарила

Лине.

Та задумчиво смотрела на меня. В застиранном объемном фартуке и в платье с рюшами вея походила на одну из кухонных служанок при дворце. Это будило ненужные воспоминания и... доверие.

— Вот что, ящерка, коли не дал Крылатый распоряжений, возьму я тебя на кухню. Будешь при делах и на глазах у меня, пообвыкнешь, притрешься... Ты кто по жизни-то? Чем занималась и что умеешь?

А. Это очень легкий вопрос. По жизни я принцесса, Ее дурацкое Высочество. Занимаюсь тяжбами, корреспонденцией, переговорами и трактацией законов, умею кушать трижды в день и пахать без продыху, как каторжная.

Одна беда, с какого боку тесто месят, понятия не имею. Ни стирать, ни мыть, ни готовить не приучена.

— Секретарем была, — врать не стала, понимая, что попадусь, а покровительство Лине мне бы сейчас очень пригодилось. — Готовить не умею, шить тоже, но я научусь, если покажете, что делать.

Лине как-то очень хорошо, по-доброму рассмеялась так, что весело затряслось полное тело.

— Тю... готовить она собралась. Я тебя к жаровне близко не пущу, посуду будешь мыть, мне давно девочка нужна. А Крылатый, как чует, всех моих девочек перебрал. Симпатичные они, а после него, какие из них работницы? Ветер у девок в голове. Ну-ка, иди сюда.

Я тщательно вымыла кружку и бочком протиснулась из закутка к Лине.

Та уже взобралась на небольшую устойчивую стремянку и с помощью бытовых артефактов управляла котлом, в котором что-то гудело и булькало. Снизу было не разглядеть, но желудок смело предположил, что это рагу.

Лине колдовала между засыпаемыми приправами для увеличения магической выносливости, которые, как было известно, лучше всего усваивались с едой, артефактами и двумя замученными женщинами средних лет.

— Анне, — крикнула она, — иди прими и распредели новоприбывших, из кухонных пока никто не нужен, отдавай на склад и в оружейную. Гельке, милая ты моя, кто у нас ответственный за замковую уборку? А? Не убрано солдатикам, вот придет штабной, кому достанется?

Одна из женщин, та, что в цветастом фартуке, пошла красными пятнами.

— А я что, крайняя вечно? Экономка ихняя на что? Она двух постельных от работы отстранила за шалости, а две оставшиеся не справляются. А с меня, значит, спрашивают?!

От воплей и кухонного шума вернулась головная боль, но я заставила себя вслушиваться в происходящее. Вникать. Любое дело начинается с мелочи. Надо понять, кто за что отвечает, как устроен быт.. В целом военную иерархию я знала неплохо, поскольку делала половину бумажный работы для

Теофаса.

Насколько я помнила, к любому боевому крылу крепились помимо военной силы, артефактная, мастерская, оружейная, мини-госпиталь и полевая кухня. В действительности же все оказалось намного сложнее. Я не учла загон кайранов, которых выдавали веям, не имеющим драконьей ипостаси, замок, в котором заселилось крыло, бытовую службу, и наверняка еще массу мелочей, о которых не писали в учебниках для молодых дракониц.

От мыслей очнулась, только когда Лине ощутимо потрянула меня за плечо.

— Ступай, ящерка, к экономке, скажи, не будет ей сегодня замены. На кухне все руки наперечет.

Я обреченно уставилась на Лине.

— Может, я лучше посуду помою?

— Нет, ящерка, ты самая неопытная из нас. А нынче такой привоз, каждому дело найдется. Да не бойся, в распределительной солдатни не бывает. Экономка наша против шалостей. Гельке, покажь девочке, куда идти.

Гельке в сердцах шандарахнула в мыльную пену немытую тарелку и махнула мне рукой, приглашая следовать за ней. Я прошла по разбитому деревянному полу, минуя мокрую зону и зону разделки, с тоской проводила взглядом чан с мыльной водой. Гельке вела меня вдоль длинной, разбитой на отсеки кухни, позволяя рассмотреть помещение целиком.

Первое впечатление от кухни было неприятным, но теперь

я могла рассмотреть добротный дощатый пол, отделенные друг от друга зоны готовки, хранения, мытья, длинные столы и крупные чаны, подогреваемые бытовыми артефактами. Здесь оказалось тепло и по-своему даже уютно.

Гельке бросила на меня нечитаемый взгляд, махнула рукой в сторону крутой лестницы, ведущей куда-то вниз, и сказала:

— Иди, никуда не сворачивая. Ход ведет от кухни к замку, в покои экономки, там все и скажешь.

После того как я спустилась, передо мной расстелился высокий, мощеный крепкой брусчаткой коридор, который освещали магические лампы через каждые десять метров. Интуитивно, сопоставляя расстояние и направление, я поняла, что подземный ход соединяет замок и полевою кухню.

Шла долго, минут двадцать точно, и за это время не встретила ни одной живой души, разве что магически заряженная тележка с какой-то поклажей прокатила мимо с ветерком. Еще пару раз замечала круглые отверстия боковых ходов. В один из них даже заглянула, но тот не был освещен, на меня повеяло теменью и жутью, и тишиной, от которой затрепыхалось в груди.

Лестница, ведущая в замок, соединялась с покоем экономки, вогнавшей меня в ступор объемами и громкостью. Необъятных размеров бабища в каком-то сером балахоне, с кокетливо подведенными черными блестящими глазами и вся в кудряшках — от давно устаревшей прически с корот-

кими локонами до затеяливых кружавчиков на платье.

— Ишь, кого прислали, ты про нее толковала, Кайне?

Громоподобная вея ткнула в меня пальцем и усмехнулась. На ее окрик из-за ширмы, расшитой блестящей нитью, выглянула недавняя темноволосая вея.

— Она самая, — та окинула меня пренебрежительным взглядом. — Представляешь, я чуть было не приревновала к ней своего милого? А он назвал ее подружкой Крайцгега, тот, мол, еще в распределительной точке ее приглядел.

Она уселась боком прямо на стол и расхохоталась. Я внимательно обвела взглядом комнату, невольно задерживаясь на говорящих мелочах. Таких, как раскрытая книга по географическим объектам Райгора, который как раз граничил с Ленхардом, брошенная шаль хорошего качества, картина на стене, явно маскирующая сейф.

Эта экономка была умна и... имела в седьмом крыле немалую власть. С такой веей ссорится было не с руки. Заткнув гордыню поглубже, присела в неглубоком реверансе, идеальном для этого случая.

— Вея Эль. Вея Лине прислала меня сообщить, что замечать наказанных постельных некем.

Что там делают с гонцами, принесшими дурные новости? Кажется, ничего хорошего...

Экономка меня словно не услышала, только откинулась на стуле, задумчиво покусывая зажатое в руках зачарованное перо. Потом перевела взгляд на Кайне.

— Помнишь рыжую Ольхен? — та скривилась, но послушно кивнула. — Командор-то наш тоже называл ее подружкой, кажется, Звеза, а потом взял и сделал своей подружкой. Пришлось попотеть, чтобы турнуть профурсетку с теплого места. Давай-ка мы и эту с глаз долой отправим в северную часть замка.

— В северные...

Взгляд Кайне заметался по комнате, словно пытаясь отыскать безопасное место. Я машинально насторожилась. Конечно, очень хорошо, что я буду работать без лишних взглядов, вдали от солдат, но реакция Кайне мне не нравилась. Более того, я сама им не нравилась — ни Кайне, ни экономке, ни даже замкнутой Гельке я не пришлась по душе. Лине отнеслась ко мне с теплом, однако выставила из кухни сразу же, как появилась возможность. С чего бы им предлагать мне хорошую работу?

— Я бы предпочла остаться на кухне, — сказала преувеличено вежливо.

Экономка задумчиво меня разглядывала.

— Кухня граничит с солдатской столовой. А тебе, я вижу, неохота попасться паре пьяных солдатиков под вечер, а? В северных покоях нужно навести порядок, уборку сделать, работы там не на один день. Ну?

Очень хотелось согласиться, но интуиция меня редко подводила, поэтому я вдохнула поглубже и... не успела ничего сказать.

— Это приказ, — ласково добавила экономка. — Инвентарь тебе выдадут.

Дорогие читатели, у меня выходит новая книга "Поместье для брошенной жены":

<https://litnet.com/shrt/Se6f>

Если вы загляните в мою новинку, то найдете сильную героиню, горячего дракона и историю предательства) Эта книга также связана с миром Вальтарты, но читается она отдельно.

Надеюсь, вам понравится :)

Коротко о сюжете:

Спустя восемнадцать лет счастливого брака, муж-дракон выставил меня за порог ради юной красавицы с завидным происхождением. И что гораздо больше наши дети с легкостью отвернулись от меня, поддержав отца.

У меня нет ни магии, ни родни, мое сердце разбито, а дом разорен счастливой соперницей.

Теперь меня ждет дорога в далекое северное поместье на окраине драконьей страны. Где я, как уверен муж, буду смиренно коротать свои дни в ожидании его редких посещений и денежных подачек.

6. Страшный замок

Из комнаты я вышла испуганной и оглушенной. Впервые за долгое время моя жизнь мне не принадлежала. Дело было даже не в том, что меня отправили против воли в северное крыло, а в том, что я не имела права голоса. Полный контроль над моей жизнью находился в руках других людей. Людей, которым я не нравилась.

Обняла ладонью горло, словно могла почувствовать собачий поводок, который надел на меня Ленхард. Я не просто вея, я рабыня этого места, этих людей, каждый из которых имеет надо хоть маленькую, но власть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.